

Социокультурные предпосылки модернизации России

В рамках научного семинара с докладом выступила доктор социологических наук, зав. кафедрой социально-экономических систем и социальной политики ГУ-ВШЭ Наталья Тихонова. В дискуссии приняли участие член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, руководитель Центра социокультурных изменений Николай Лапин и доктор экономических наук, зав. сектором общих проблем в Центре проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН Виктор Красильщиков.

Евгений Ясин:

Я попросил Наталью Евгеньевну Тихонову выступить сегодня у нас на семинаре. Участниками дискуссии будут также Виктор Александрович Красильщиков и Николай Иванович Лапин. А для других возможности широкие. Тема: «Социокультурные предпосылки модернизации России». Дальше не буду особенно распространяться, Наталья Евгеньевна сама вам все расскажет.

Наталья Тихонова:

Прежде всего, я хочу поблагодарить организаторов семинара за возможность представить сегодня этой аудитории результаты наших многолетних исследований, которые начались еще в 1995 году. Результаты этих исследований органично выросли из опросов.

Больше всего проблем вызывает сам термин «модернизация», поскольку он используется по-разному. Сразу укажу нашу позицию. Мы считаем, что и первый, и второй вариант трактовки этого термина не совсем адекватны ситуации, с которой мы имеем дело в России. Мы воспринимаем модернизацию и используем этот термин в своем исследовании как скачок общества, который означает его переход в качественно новое состояние, соответствующее общей традиции, переходу от аграрных доиндустриальных обществ к обществам современного типа, индустриальным, модернизированным. От постмодерна мы в данном случае, естественно, отвлекаемся. Эта трактовка соответствует, как ни странно, двум полярным

этапам, которые проходила концепция модернизации. Первому, когда ее разрабатывали, не используя самого этого термина, классики социологической мысли (я имею в виду и Маркса, и Тойнби, и Вебера), и нынешнему этапу, когда уже понятна ограниченность трактовки «вестернизация» и неприемлемость ее на современном этапе.

Понятие «социокультурная модернизация» обычно тоже вызывает много вопросов. Более привычно понятие «экономическая модернизация». Здесь уже описывалось, что туда входит, я не буду повторять. Упомяну только те вещи, которые ближе к России. Это индустриализация, развитие вторичных и третичных отраслей, углубление разделения труда и т.д. Это социальная, культурная, политическая модернизация. Я не буду это воспроизводить, все на экране представлено. Но этими сферами мы не ограничиваемся, говоря о демографической модернизации, о формировании новой модели семейно-брачных отношений, демографического воспроизводства и т.д. Пути взаимоотношений реализации могут быть: догоняющий вариант, органический вариант. И вот эта последовательность – модель модернизационных изменений, представленная на экране, – на мой взгляд, сейчас наиболее часто реализуется. На первый взгляд, сама задача оценить тот этап социокультурной модернизации, который сейчас проходит Россия, кажется противоестественной. Неоднократно в дискуссиях приходилось сталкиваться с тем, что отрицается сама постановка вопроса об этом, потому что предполагается, что модернизацию, в том смысле, о котором я говорю, то есть, переход от аграрного общества к обществу современного типа, Россия успешно совершила. Причем, экономическая модернизация может проходить без социокультурной, она может проходить успешно даже с опорой на вполне традиционные в своей основе ценности. Яркий пример тому – Япония. Китай пытается реализовать эту модель. На мой взгляд, в ходе индустриализации они использовали ценностный блок, очень близкий тогда значительной части населения. То есть идущий, на самом деле, не от ценностей модерна. Но, в любом случае, экономическая модернизация,

казалось, успешно шла. Тогда почему у нас до сих пор существует проблема внедрения? Почему наша экономика отторгает все инновационное, что пытаются в нее привнести, будь-то технологии, попытки наладить какие-то новые производства, технологическую дисциплину и массу всего остального? Почему у нас до сих пор считается, что универсальный работник, так называемые «золотые руки», это самое замечательное, что может быть, вместо того, чтобы шло углубляющееся разделение труда? Почему, говоря о профессиональной структуре (если отвлечься от данных статистики и посмотреть, например, по RLM, как видоизменяется ситуация со структурой занятости в стране), можно констатировать, что у нас сокращается структура профессионалов и растет структура полупрофессионалов и работников торговли и бытового обслуживания? Я уж не говорю про государственных служащих и разного типа охраны. То есть, то, что, на первый взгляд, у нас успешно, на самом деле, не совсем так.

Если говорить о социальной сфере, то не совсем завершена урбанизация, не сформирован городской образ жизни при высоких показателях урбанизированности в целом. Не сформированы новые механизмы социального контроля, связанные с писаным правом, а не с традициями и авторитетом. До сих пор проблематично существование в классовой по модели стране структуры сословий, до сих пор об этом идут дебаты.

Если говорить о культурной сфере и о модернизации в этой области, вы сами видите, что у нас происходит с ролью религии, которая, просто уже до неприличия, выдвигается на первый план. Очень проблематична ситуация с восприятием плюрализма как нормы толерантности к иному.

Про политическую сферу можно не упоминать.

Поэтому, на наш взгляд, сама постановка вопроса об этапе социокультурной модернизации, который сейчас проходит Россия, вполне оправдана. Что сюда вкладывается? Не только ценности, но и определенные жизненные установки, представления о нормах, сформировавшиеся модели устойчивых повседневных жизненных практик. То есть, это довольно большой блок

различных по своим характеристикам путей, который гораздо шире, чем просто ценности.

Нас интересуют ценности как ценности нормы. И в этом плане то, что это декларируемые ценности, не страшно, потому что интересна именно смена декларируемых ценностей, которые обществом воспринимаются как норма. Так вот, ценности, конечно, являются центральным блоком во всем спектре характеристик, связанных с социокультурной модернизацией. Еще эти ценности-нормы интересны, потому что на них фактически опираются социальные, экономические институты. И без формирования нового типа ценностей плюс рационального мышления невозможны ни окончание экономической модернизации, ни успешное завершение модернизации в остальных сферах общества.

Еще раз повторяю, что материала очень много, и я думала, что рассказать, поэтому решила использовать метод Лилии Овчаровой, которая всегда начинает с выводов. Тогда всегда скажешь главное, а уж потом – сколько успеешь. Поэтому я не буду оглашать того, что вы видите на экране, обращу ваше внимание только на какие-то краевые моменты.

Во-первых, хотя социокультурная модернизация началась, «больной скорее мертв, чем жив», она ближе к своему началу, чем к завершению. Она очень противоречива. Медленнее всего происходят сдвиги в политическом сознании и в том, что относится к экономическому в части роли государства. До сих пор нормой для общественного сознания является идея всевластия государства, идея сращенности власти и собственности. Гораздо быстрее идет усвоение норм, связанных с индивидуальным поведением, в том числе рациональным индивидуальным поведением на микроуровне. Ни переход к рыночной экономике, ни смена поколений сами по себе к модернизационному поведению не приведут. Потому что сохраняются внешние условия. Здесь приходится вспомнить Маркса: «бытие определяет сознание», условия сохраняются, сохраняется и сознание.

Инновационный прорыв может осуществиться только тогда, когда изменится структура экономики, а этого мы пока не можем добиться. Более того, в последние годы, по сравнению с концом 1990-х началом 2000-х гг., ситуация изменилась. Рост доверия к власти привел к реанимации легитимности этократической модели развития. Получилось, что, с одной стороны, власть обратилась к социальной проблематике, стала больше учитывать запрос со стороны общества, с другой стороны, реакцию на это со стороны общества я бы назвала «ренессансом фундаментализма». Разложение этой традиционалистской модели идет очень медленно и противоречиво. И часто разложение таких взглядов и норм не приводит к формированию модернистских моделей. Очень часто оно меняется на прагматизм, утилитаризм. Есть замечательная передача, где участвуют Хрюша и Степашка. Я считаю, что идеальный образ модерниста – это Степашка. А мы, на самом деле, имеем дело с Хрюшей в массовом порядке в нашей стране. У нас не модернист приходит на смену традиционалисту, а вот такой вот Хрюн. Если посмотреть, что начинает разлагаться в первую очередь, то сначала меняется отношение к себе. Человек ощущает себя хозяином собственной судьбы. Начинает меняться тип фокус-контроля, ориентация на себя, активность и другие индикаторы. Потом человек постепенно доходит (раз он себя вычислил в общности, которая его окружает) до специфичности осознания собственных интересов, от бытовых до стратегических. Он понимает, что сегодня, в условиях нашего общества, нет механизмов для защиты его интересов. И следующий шаг, который он проходит, это понимание того, что необходимо нормальное правосудие, равенство всех перед законом, и начинается формирование легитимности этих норм. Далее, он приходит к пониманию того, что, если это все не работает, нужны другие механизмы. Этого шага подавляющее большинство наших граждан еще не сделало.

Этот возврат на поступательные движения, свидетелями которых мы являемся, все-таки, не должен заслонять от нас главную тенденцию. Очень

медленно, очень противоречиво, но процесс социокультурной модернизации все-таки идет. Об этом свидетельствуют не прямые индикаторы. Прямые индикаторы говорят, скорее, об откате. По показателям за последние десять лет о том, как соотносятся внутренние структуры ценностей, которые принимают разные группы. Они становятся менее противоречивыми, более последовательными. Для ядра групп модернистов становится специфичным более полный набор этих ценностей. Эти группы начинают выкристаллизовываться. Учитывая, как вообще выглядят и развиваются социальные группы и что такое ядро и периферия, это свидетельствует о том, что процесс потихоньку, но развивается. Поскольку процесс социокультурной модернизации не завершен, само по себе существование групп с разным мировоззрением вполне естественно, и оно лезет, надо сказать, из всех щелей. То есть население, в ходе эмпирических опросов, начинает понимать, что оно различается по взглядам. Раньше роль абстрактных идентичностей, идентификация с теми, кто близок взглядами на жизнь, играли меньшую роль. С годами эта идентичность на макроуровне начинает выходить на первый план, кроме, конечно, идентичности с семьей, друзьями, то есть на микроуровне.

Группы, которые характеризуются разным типом мировоззрения, очень пестрые по своему составу, если смотреть через призму традиционного соц-дем. блока: профессиональные, образовательные характеристики, место жительства, тип домохозяйств и т.д. Скорее можно говорить о единстве культурных характеристик групп. Решающую роль играют в настоящий момент такие факторы как городская и сельская социализация, культура и уровень образования родителей, погруженность в информационные технологии. Если говорить о субъектах модернизации, то ни молодежь, ни наш бизнес не могут рассматриваться в качестве таких субъектов. Несколько иначе складывается ситуация в ядре среднего класса. Это отдельный вопрос. Это где-то 2/3 специалистов и руководителей разного уровня образования, у которых процент социокультурной модернизации дошел довольно далеко, у

них эти факторы, условия социализации и особенности их современного уровня жизни, работают вместе.

Как мы дошли до этих выводов? Как мы пытались переложить теорию макроуровня на микроуровень? Надо сказать, что мы не первыми пытались это сделать. Это делают социологи, психологи. Каждый использует свою методику. Мы подняли десятки работ классиков социологической мысли, которые работали с этой проблемой, и по типу контентного анализа буквально прошерстили их по выявлению тех признаков, которые, с их точки зрения, характеризовали общества традиционного и современного типа. Была построена таблица, в несколько раз большая, чем та, которая представлена вам. В ней десятки показателей, которые характеризуют эти два типа обществ.

Как примеры, вы видите некоторые позиции. Черные – это те, которые не относятся к социокультурной модернизации, красные – часть показателей, которые относятся к социокультурной модернизации и проверялись в наших исследованиях, потому что инструментарий это позволял. Синие – те, которые тоже относятся, но мы не смогли этого проверить, потому что не имели возможности провести специального отдельного опроса. По результатам этого выделения были получены некие идеальные типы, и была осуществлена привязка для иных показателей, для других аспектов, которые касаются в целом особенностей сознания и ценностей, или общественно-политического сознания, собственно поведенческих характеристик и т. д.

В результате этой работы были выделены основные индикаторы, их оказалось более двадцати, которые позволяли весьма надежно в целом говорить, что это индикаторы модернизованности сознания и поведения в российских условиях. Потому что некоторые вещи у нас работали совсем не так, как должны были, с точки зрения теории. Например, у нас оказалась неважна ценность свободы. Она не оказалась связана с ядром типа мировоззрения. Она представлена во всех группах, потому что свобода как воля – еще из глубины веков достояние нашего общества, и она не является

ценностью, модернистской в своей основе. Есть и другие переменные, которые у нас таким образом отбраковались.

Что является ключевым для разных типов групп, традиционалистов и модернистов? Оказывается, что для них значимы разные вещи. Это естественно, потому что процесс разложения, перехода от одного типа сознания и поведения к другому не предполагает полярности, он с одного начинается, другим заканчивается. Поэтому то, что более устойчиво для одних, для других может быть наиболее отрицаемой вещью. Каковы ядерные позиции для традиционалистов? Здесь несколько индикаторов объединены в один показатель. Это отношение к государству, уравнилельные настроения, конформизм, пассивность. Если говорить о модернистском типе, то для них, в первую очередь, мы видим значимость индивидуальной свободы, ориентацию на западный путь развития, на инициативность, несогласие с идеей всевластия государства и нонконформизм.

Теперь о том, насколько это специфично именно для России. Если говорить о склонности россиян к уравнилельности, то она ничуть не больше, чем в развитых странах мира. Россияне вообще не ориентированы на уравнилельность. Доход специалиста или руководителя может быть во много раз выше среднего по стране (мы не говорим про олигархов), где-то в 10 раз выше черты бедности.

Другая картина с патерналистскими настроениями у граждан разных стран мира. Если мы посмотрим картину 1990-х гг., до начала наших экономических реформ, видно, что тогда доминирующим убеждением было, что люди сами несут ответственность за собственное благополучие. Если взгляды изменились, то это ситуационная реакция, не связанная с фундаментальными историческими вещами. Ситуационная реакция на собственную неспособность решить свои проблемы в новых условиях.

Совсем иначе выглядит картина по отношению к роли государства. Это совершенно устойчивая вариантная характеристика нашей национальной культуры, что государство – это наше всё, во всех возрастных,

профессиональных, образовательных группах. Везде больше половины опрошенных считают, что государство должно расширять свое присутствие в экономике, это наш становой хребет. Надо сказать, что эта характеристика устойчива во времени.

Возникает вопрос: если для нас более-менее понятны индикаторы, ядро, с чем это ядро связано, как мы может выделить группы? Была проведена сложная многоступенчатая процедура, в результате которой были выделены две группы, каждая включала ядро и периферию. Взгляды их диаметрально противоположны по многим позициям. Где они концентрируются и каково их соотношение, если говорить об их численности в современном российском обществе? Вы увидите, что у нас, в основном, доминируют традиционалисты. Эти два типа почти выравниваются только в селах и поселках городского типа. Если посмотреть динамику, то по активному городскому населению картинка устойчива, хотя в целом по населению растет доля традиционалистов.

Ключевое отличие – это ресурсы обеспеченности. Высокоресурсные группы характеризуются четким доминированием модернистского типа населения. Я также упомяну, что роль государства прорастает так, что обменивается, идет консенсусная модель. Мы вам обеспечиваем лояльность, чтобы вы делали все, что хотите, в своем государстве, ужимали прессу, нарушали нормы правосудия и т.д. Вы нам, пожалуйста, обеспечьте сносный уровень жизни. Высокоресурсные группы в этом не нуждаются, они своими силами готовы побороться с интересами государства, поэтому для них это разрушение идет наиболее быстро. Такие группы – где-то 8-10%, 40-50% – это среднересурсные.

Если говорить о возрасте, картинка уже не столь однозначна. Плавно нарастает доля традиционалистов от когорты к когорте. Это связано не с возрастом как таковым, а с тем, что люди разного возраста сосредоточены в разных типах поселения, имеют разный уровень образования, зависит от места первичной социализации, образования родителей.

И еще о мегаполисах. По сути, различие между краевыми, республиканскими центрами и мегаполисами небольшое, но, на самом деле, это очень важно. Сейчас в мегаполисах происходят очень важные процессы. В последние пять-шесть лет формируется другая модель потребления. Видимо, появляется реакция на чрезвычайную глубину социальных неравенств. меняется модель ценностных систем, идет опережающий откат. И вообще, идет «ренессанс фундаментализма», как я уже говорила. Мегаполис должен быть сейчас точкой особого внимания. Хотя специальных исследований по этому поводу нет. Очень тревожная зона, и если у нас будет продолжаться рост социального неравенства, процессы, с которыми мы сталкиваемся в мегаполисах, захватят страну в целом.

Что касается собственного образования и образования родителей, то это всегда хорошо. И я сторонник массового высшего образования. Относительно нужд экономики оно всегда себя оправдывает.

Что касается среднего класса, то, обратите внимание, возрастные характеристики здесь вообще не работают. Оказываются значимыми классовые характеристики, а из этого следует, что мы имеем дело с устойчивым социальным развитием, где идет ретрансляция ценностей и поведенческих образцов. Правда, касается это очень небольших групп, ядра среднего класса, насчитывающего где-то 15% населения.

Я уже перебрала время, которое было мне отведено. Скажу, что есть масса эмпирического материала и наших теоретических посылок, которые в ходе нашего исследования представлены в публикациях. Там можно все это посмотреть более подробно. Основная часть наших работ есть в Интернете, потому что эти работы были сделаны по гранту ГУ-ВШЭ 2007-го года, и они есть на сайте Вышки, в журнале «Наука и современность», последние два-три номера этого года. Спасибо за внимание.

Евгений Ясин:

Спасибо докладчику. Прошу вопросы.

Николай Лапин:

Вопрос относительно государства. Он был основным в устном докладе и в письменных публикациях. То же и по факту, и в сознании. И вот какой вопрос. Насколько совпадают представления о том, что такое государство как субъект, у исследователей и у субъектов? Какая есть гарантия, что респонденты понимают государство именно так, как вы предполагаете? В качестве иллюстрации я приведу вопрос, который здесь адресовался. Вопрос респонденту звучит так: правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, и этого требуют интересы государства. Респонденту идет подсказка, что правительство – это нечто иное, чем государство, что правосудие – это тоже что-то иное, чем государство. Что же предполагает исследователь, а что респондент под государством? Есть подозрение, что респондент может предполагать, что государство – это страна, и тогда при чем тут этократизм в сознании населения?

Наталья Тихонова:

Было несколько вопросов, связанных с государством. Это очень большой блок вопросов, где говорится не только о роли государства в экономике, о доверии разным структурам. Если говорить кратко о том, как население принимает государство, то это – власть. Там, где у нас власть, там и государство. Это президент, правительство, губернаторы и т.д. Но что человек воспринимает суды как государство, за это я не ручаюсь. Вполне возможно, что он отделяет суды от государства. На выводы это не оказывает никакого влияния. Для нас было важно понять, насколько оправдывается произвол власти и попытки власти обеспечить сращивание власти и собственности, что и характерно для этой модели. Таким образом, я допускаю, что респонденты вкладывают в понятие государства далеко не то, что подразумевается в учебниках обществознания. Но мы, собственно, и не исследуем эти нюансы, как воспринимаются отдельные государственные

структуры. Как человека государство интересуется, так он его и интерпретирует. Это показывают ответы, если рассматривать их в комплексе, на все вопросы, связанные с этим блоком.

Олеся Малиновская:

Какие ценности сейчас формируются стихийно, а какие искусственно, как сверху, так и снизу?

Наталья Тихонова:

К сожалению, ценности, которые у нас формируются снизу, как я уже говорила, прагматические и утилитаристские ориентиры, в основном связаны с ценностями материального благополучия. Если говорить о классике, то для модерна должны быть характерны ценности успеха. Но у нас весь успех сводится к ценностям материального благополучия. Быть богатым – это не ценность модерна, если она становится единственной и самодовлеющей. Хорошо иметь четыре коровы, а не одну. Ах, у соседа семь, тогда мне нужно восемь. Вот пока какая у нас модель. Сверху пытаются насадить некие идеологические ценности, например, свобода, демократия. Но они не прививаются в той форме, в какой их насаждают, потому что их насаждают в другую почву. Если у человека первое, с чем ассоциируется демократия, это равенство всех перед законом, то он тут же говорит, что этого как раз и не обеспечивается. А если оказывается, что милиции он боится больше, чем бандитов, то, естественно, проблема демократии для него стоит совсем иначе. И говорить ему о свободе, о демократии бессмысленно. То есть, эти ценности насаждаются, но не приживаются.

Аркадий Липкин:

Скажите, пожалуйста, все-таки, если брать развитые страны, то в них есть существенная разница между индустриальным и постиндустриальным этапом? У вас рассматривается только индустриальный этап,

постиндустриального вы вообще не касались, да? Или как? Что-то было сказано, но нечетко.

Наталья Тихонова:

Понимаете, это серьезная методологическая проблема, когда мы фактически имеем дело с догоняющей модернизацией. Потому что переход к модерну в ряде точек, не везде, конечно, но в ряде точек, кое-где совпадает с переходом к постмодерну. И возникает проблема, что, наряду с индикаторами модернизованности, нужно еще рассматривать индикаторы, связанные с постмодерном. И это отдельная проблема, которую нам пришлось решать, выделяя характеристики модерна и постмодерна, которые при переходе от одного к другому касаются социокультурной сферы и изменяются. А потому исключать из анализа их нельзя. Например, некоторые особенности трудовой мотивации. Сначала у нас полезло то, что связано с самореализацией. Но самореализация в труде – это ценность не модерна, а постмодерна. Просто у нас она оказалась представлена в тех же самых группах, где начинается интенсивное формирование сознания, поведения нового типа. Потому что переход к модерну и постмодерну идет здесь параллельно. То есть, это сложный в методологическом плане вопрос, который обязательно надо иметь в виду, но при этом рассказывать отдельно.

Евгений Ясин:

Хорошо, еще будет возможность задать вопросы. А теперь давайте перейдем к выступлениям участников дискуссии и предоставим слово нашим оппонентам. Николай Иванович Лапин, пожалуйста.

Николай Лапин:

Наш Центр изучения социокультурных изменений, как ни странно, находящийся в институте философии, с 1996-го года занимается всеми этими вещами. Поэтому очень важно сопоставление друг с другом, в том числе, и с

тем, что делает Наталья Евгеньевна. У нас очень много общего: общие взаимоиспользуемые вопросы, которые повышают сопоставимость, есть общие эмпирические данные, есть общие интерпретации, и, в меньшей степени, есть общие теоретические интерпретации. Поэтому я в целом очень позитивно отношусь к тому, что было сказано. Вместе с тем, есть и немалые различия.

Первое различие – по поводу интерпретации государства. Мне кажется, что пока недостаточно оснований для того, чтобы делать выводы о государстве, потому что я не заметил методики персонализации термина «государство». Это важно. Персонализации государства для респондентов, чтобы потом надежно интерпретировать, что под ним понимают, я не заметил. А это, действительно, необходимо.

Теперь отмечу два позитивных момента. Акцент на эмпирический анализ этой широкой теоретической проблемы и, особенно важно, выделение трех реальных групп: традиционалисты, модернисты, и, неудачный термин, промежуточные.

И еще один момент, касающийся ренессанса традиционализма. Я только добавлю, что это второй ренессанс за изучаемый отрезок времени. Он свидетельствует о волнообразной динамике ценностей и других параметров, которые мы здесь характеризуем. А потому не надо восторгаться, если что-то идет с плюсом, и не надо паниковать, если что-то пошло вниз. То, что идет вниз, через 5-7 лет пойдет вверх, так же, как и всякие финансовые процессы. За 20 лет наблюдается абсолютно волнообразный характер динамики, можно даже назвать его цикличным. И сейчас, действительно, происходит второй ренессанс традиционализма.

Теперь по поводу подсчетов. Авторы считают так же, как и мы считали до последнего времени, то есть, берется просто процент поддержки, положительного отношения к тем или иным ценностям. Но, все-таки, при этом теряется вся остальная информация. Поэтому мы перешли к дополнительному методу, к учету средних, в которых отражаются и

отрицания, и промежуточные состояния, с учетом молчаливого меньшинства. Это очень важный момент, за которым, кстати, стоит позиция. Когда мы переходим к средним, да еще и с учетом молчаливого меньшинства, получаются в ряде случаев несколько иные результаты. По поводу власти и воли, по нашим данным, это не одно и то же. Власть – как властность, стремление к власти, это где 20-23% поддерживающего населения, остальные против, здесь мало даже нейтральных. Нет совпадений воли и вседозволенности. Высокое соответствие наблюдается именно у тех, кто имеет властность как качество. Среди них 56-60% очень активно поддерживают и вольность, и своеволие. Несколько раз это показывали наши результаты, где власть рассматривается как хорошее средство для вседозволенности. Многие, кто идут во власть, идут туда для того, чтобы иметь возможность легитимно действовать вседозволенно. Вот такой вывод подтверждается. А что касается основной массы населения, то она, все-таки, вопреки расхожему представлению, не имеет отношения ни к вседозволенности, ни к властности. Кроме того, в докладах Натальи Евгеньевны звучит такое понятие как правовой нигилизм населения. Это подтверждается во всех данных. Население соблюдает законы, когда считает это нужным, подразумевая, что они правильные. Я подчиняюсь начальству, если считаю, что оно право. И не подчиняюсь неправильным законам. Законы действительно бывают разными. А главным образом, и это скорее гипотеза, чем доказанный факт, говорится, что имеет место саботаж вместо дискуссии с властью. Так попробуй с ней подискутировать. Ведь власть абсолютно не склонна к любым дискуссиям с подданными. И они отвечают саботажем. Возьмем ту же дачную амнистию. Какие были дискуссии с муниципальными властями? А коррупция? Какие тут дискуссии! В этом я не вижу нигилизма населения, скорее нигилизм людей, находящихся у власти, чиновников. Это – да. Сейчас, вроде, впервые идет публичная борьба. Посмотрим, что произойдет.

Еще мне кажется, что само понятие «социокультурный» в данном контексте было заужено. Во всяком случае, это одна из интерпретаций. Но если брать классиков, то они понимают социокультурное по-другому. Я тоже понимаю его более широко.

Другой термин – «модернизация». У нас была война в середине 1990-х, когда каждая вторая статья и книга была со словом «модернизация». Затем пошло сопротивление этому термину. Это касается и классиков современной российской социологии. В обсуждениях пришло понятие «трансформация». Сейчас Наталья Евгеньевна делает очень верный шаг к восстановлению в правах данного термина в российской повседневной социологии. Это делается путем широкого понимания этого термина, начиная с Маркса, который бы, конечно, не согласился с тем, что он занимался модернизацией. В лучшем случае, проблемами трансформации. Мне кажется, что это очень интересная попытка расширения в жанре и по времени этого процесса. Но уверенности в том, что эта попытка закрепится, нет.

С выводами я, в принципе, согласен, но все-таки есть некая двойственность. С одной стороны, говорится о начальном этапе, в другом случае о незавершенности. С моей точки зрения, если придерживаться трансформационного перехода, нужно сказать, что качественные изменения начались именно в 1990-е гг., и тот скачок, конечно, не завершен, общество вступило в фазу стабилизации. Правда, немалой ценой, но скачок совершить успели в 1992-м году. Я согласен, что стабилизацию можно рассматривать как начало некой посттрансформационной модернизации, модернизации трансформировавшегося общества. Что касается самой модернизации, то в расширенном смысле это бесконечный процесс, который не может быть завершен. Спасибо.

Евгений Ясин:

В свое время так же применяли слово «реформы». А потом стали говорить, что реформы всем надоели, давайте говорить про модернизацию. У

социологов все по-своему. Для меня все, что говорила Наталья Евгеньевна о модернизации, естественно, потому что кто же сейчас будет делать реформы?

Виктор Красильщиков:

Иногда на подобных встречах я начинаю свое выступление с цитаты из книги одного из творцов сингапурской чудо-модернизации: «Модернизация – как слон, трудно дать определение, но легко признать, когда видишь этого зверя». Про социокультурную модернизацию можно сказать примерно то же самое. То есть, признать ее наличие можно только, когда она свершилась. О значении социокультурной модернизации лидеры восточноазиатских стран, которые эту модернизацию проводили, писали, когда в западной литературе того времени преобладал экономическо-технократический подход. И модернизация, в основном, сводилась к преобразованиям экономики, технической базы производства. Другой известный деятель, творец заметного чуда, бывший премьер-министр Малайзии писал, что самое трудное в процессе модернизации – это внедрение ценностей и стандартов поведения, примирение этих ценностей со стандартами и привычками таким образом, чтобы новое не вызывало отторжения. Поскольку Малайзия – страна, состоящая из трех крупных этнических групп, там проблема модернизации стояла очень остро. Он писал, обращаясь к малайской части, что они люди добрые и хорошие, но растяпы и работать не умеют. А если дальше так будет продолжаться, то они перестанут быть хозяевами на своей собственной земле, ее приберут к рукам китайцы. Думаю, что этот призыв имеет значение и для нашей сегодняшней России. Я говорю студентам, что если они не будут хорошо учиться, придут китайцы и приведут их к порядку. На что нужно обратить внимание, говоря об опыте социокультурной модернизации в Восточной и Юго-Восточной Азии? Все политические лидеры, которые возглавляли эти страны в период модернизационного рывка, были страшными националистами, но при этом они никогда не были страшными

антизападниками. Более того, Ли Кван Ю, который более тридцати лет был премьер-министром Сингапура и очень много говорил об азиатских ценностях, как-то открыто признал: «Если бы не было Запада, мы бы до сих пор оставались отсталой страной». У нас, к сожалению, национализм – это всегда антизападничество. Хотя я считаю, что у нас западничество и антизападничество – это не что иное, как две формы признания собственной неполноценности.

Еще обращаю внимание на проблему консервативной модернизации. Я хочу упомянуть двух авторов – А.Г. Вишневого и А.Л. Фурсова, которые писали на эту тему. Выводы их во многом совпадают. Они расценивают советскую систему как некий компромисс между традиционностью и модерном. До поры до времени он обеспечивал хорошие результаты, но затем подготовил социокультурные предпосылки для того, чтобы модернизация сошла на нет и стала новой проблемой. Я в своей книге, доступной в Интернете, попытался выделить два типа консервативной модернизации. Первый – это консервативная модернизация ради сохранения архаики. Наиболее яркий пример – Бразилия при президенте Жетулии Варгусе, в какой-то степени, СССР. Второй тип консервативной модернизации – это модернизация ради сохранения стабильности в условиях перемен, своего рода попытка амортизировать шок от будущего. Мне кажется, что когда мы рассматриваем социокультурную модернизацию в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, там это заигрывание с традиционными ценностями было призвано исполнить роль амортизатора, смягчить социопсихологический шок быстрых перемен. Хотя иногда консервативная модернизация может сыграть положительную роль. Пример тому Индия с ее кастовой системой, хотя сейчас она размывается. Можно сослаться и на другие примеры. Можно упомянуть Таиланд, где причудливый синтез традиционных и современных модернистских ценностей до поры до времени работал, правда, сейчас дает сбой. Политическая нестабильность – это результат, с одной стороны, очень быстрой и неравномерной модернизации, с другой стороны,

сосуществования разных ценностей в одном обществе. А их можно выделить около пяти. Эта смесь с разными социальными ценностями и дает нам то, что мы там сейчас наблюдаем, в том числе и попытку сидеть на многих стульях. Мне представляется, что если проецировать опыт других стран, проводивших достаточно успешную модернизацию, на нашу российскую действительность, то, видимо, утверждение о некоем модернизационном потенциале с социокультурной точки зрения в России, мягко говоря, преувеличение. Дело в том, что Россия сталкивается с проблемой «ресурсного проклятия», понятия, весьма модного в последних социологических исследованиях, касающихся африканских стран. Но можно обратиться и к Венесуэле. Попытки Уго Чавеса создать социализм 21-го века пока оборачиваются тем, что у него выстраиваются очереди за молоком, которое импортируется из Белоруссии и Аргентины. С одной стороны мы видим люмпенизированную массу, а с другой – совершенно хамский, самодовольный и тупой средний класс, примыкающий к верхушке общества, не способный посмотреть дальше своего носа. Это «ресурсное проклятие», которое затрагивает и социокультурную сферу, будет довлеть и над Россией. Я, кстати, не исключаю, что на смену нынешнему режиму демократии может прийти какой-нибудь национал-популистский режим типа Лукашеко-Чавес, абсолютно не способный ни к каким модернизациям. Что касается восстановления традиционных ценностей, о которой говорила Наталья Евгеньевна, то, не оспаривая этот тезис, я думаю, что нужно иметь в виду, что восстановление традиционности – не только реакция на восстановление чрезмерной цены реформ 1990-х гг., но и своего рода реакция на процессы распада общества. Мне уже доводилось год назад в стенах Высшей Школы Экономики говорить о том, что я, посетив примерно две дюжины богатых и бедных стран, могу сказать, что нигде не видел такого хамского отношения людей друг к другу, как в России. Сейчас я могу это повторить еще раз. До каких пор будет идти этот распад, я не знаю. Может быть, до распада страны. При таком ходе дел я отвожу нынешней Российской Федерации 20-30-35 лет.

Кстати, консервация социокультурного раскола может сыграть далеко не последнюю роль в возможном распаде страны.

Наконец, завершая свое выступление, выскажу одно пожелание социологам. Было бы очень интересно провести социологическое исследование такой проблемы как функциональная неграмотность нашего населения. Сплошь и рядом мы встречаемся с людьми, которые имеют высшее образование, но при этом не имеют среднего образования. Причем я боюсь, что проблема функциональной неграмотности у нас с каждым годом усугубляется, а в таких условиях говорить о какой-либо модернизации просто бессмысленно.

Наталья Тихонова:

Я пока возьму слово. И выскажу одно замечание, которое не могу не сделать. Оно связано с отношением понятий «трансформация» и «модернизация». Оно носит, на мой взгляд, ключевой характер, потому что это предмет постоянных дискуссий, с чем мы имеем дело. Трансформация не дает вектора и примерно ожидаемого результата, а модернизация их дает. Я не хочу сказать, что этот вектор должен быть заданным, но нужно знать, от чего мы переходим и чего можем ждать. А какой получим результат – это уже другой вопрос. Действительно, атомизация общества чудовищна. Наша национальная культура с национальным патологическим индивидуализмом, все мифы насчет нашего коллективизма, который накладывается на полную утрату социального капитала общества, с которым мы имеем дело сейчас, это мина замедленного действия. И она может очень сильно исказить модернизационные процессы. Но все-таки, для меня краеугольным является то, что это модернизация. И началась она в конце 19-го века, когда началась индустриализация в России, и попытки модернизационных реформ Столыпина и других предпринимались еще в царской России. Я согласна с тем, что советский этап может расцениваться как этап консервативной модернизации. Это была попытка сохранить традиционные ценности, использовать их на благо экономической модернизации. Это похоже на то,

что сейчас происходит в Китае, было в послевоенной Японии, в Юго-Восточной Азии и т.д. Но сейчас у нас качественно другой этап, и проблема заключается в том, что, к сожалению, руководство страны при лучших побуждениях все-таки не понимает, с какого рода социальной тканью имеет дело, и что вообще с этими людьми нужно делать. То, что мы все еще относительно благополучно существуем, это гораздо более неотложная угроза, чем то, что у нас идет атомизация общества, угроза огромная, но стратегическая, а не сиюминутная и тактическая. Трансформация как реформы началась в 1990-е годы, а модернизация идет уже больше века. Успешно, неуспешно, с откатами, волнами, возвратно-поступательно. Проблема заключается в том, что когда сейчас пытаются реформировать страну, не учитывают этап социокультурной модернизации. У нас система ценностей, манеры поведения, мировоззрение унаследованы еще от того крестьянского общества, потому что большинство бабушек и родителей наших выросли в деревне. Вот эта проблема понимания ткани, с которой мы имеем дело, – острейшая практическая проблема. Теоретическая проблема здесь сложность, фундаментальные парадигмы, в которых мы работаем, методологическая проблема. Но по смыслу это не спор о словах, это острейший мировоззренческий вопрос, вокруг которого идет политическая борьба, из него вытекают принципиально разные линии политического развития страны. Будем ли мы это учитывать и соответственно реагировать? На мой взгляд, это только начало.

Дмитрий Зимин:

Нельзя ли прояснить вот какой момент: какова роль исторических, генетических факторов, или того, о чем сейчас так часто приходится слышать, зомбирования, которое осуществляет власть в средствах массовой информации, в этих частью консервативных настроениях общества? Какова во всей этой ситуации роль давления существующих средств массовой

информации, которые, кажется, поддерживают конкретную определенную дугу?

Наталья Тихонова:

Сразу скажу, что роль очень небольшая. Потому что, если мы говорим о поведенческих практиках, о нормах, то это, в основном, усваивается в процессе социализации. Поскольку большинство населения этот процесс уже совершило, перезомбировать его довольно сложно. Мы можем зафиксировать, в плане влияния СМИ, конечно, то, что происходит уже просто неприличное выпячивание на передний план материального благосостояния, превращение его в единственное мерило ценности человека. Это, конечно, влияет на систему ценностей людей, но далеко не всех, потому что понятие «успех» для многих содержит материальное благосостояние не в форме «иметь максимум», а «иметь не меньше, чем окружающие». Поэтому прямого зомбирования не получается. Хуже получается, на мой взгляд, с проблемой атомизации общества, потому что это парадоксальное явление, которое не прямо связано с модернизацией, но очень важно. У подавляющего большинства россиян единые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, как можно себя вести и как нельзя. Но при этом каждый уверен, что это именно его представления, что люди вокруг руководствуются какими-то другими принципами. На самом деле, эта ситуация характеризует где-то 85% населения. Реально тех, кто готов идти по трупам для реализации своих целей, 12-15%. Наши средства информации вместо того, чтобы воспроизводить объективно существующие в обществе образцы, убеждают общество в отсутствии этих образцов. А общество этого не принимает, оно не хочет отказываться от своих старых представлений о добре и зле. Но каждый верит, наверное, что только у него это и осталось.

Алла Чирикова:

Наталья Евгеньевна, скажите, какие аргументы, эмпирические или логические, лежат в основе предложенной вами схемы разложения традиционалистских взглядов?

Наталья Тихонова:

Я пыталась их обозначить. Если говорить о логических, то это посылка, что любое явление в своем развитии проходит определенные этапы, и если мы имеем дело со сложным по внутренней структуре явлением, мы можем предположить, что различные его элементы будут проходить эти этапы в разное время. В общем, из того, что сейчас уже не упоминается, но называется диалектическим подходом, вытекает и соответствующая методология, которую я пыталась определенным образом реализовать. А если говорить об эмпирических, то я не говорила, как мы к ним пришли. Но при работе с эмпирическими данными, которые приходят каждый год массивом, если пользоваться традиционными концепциями, что у нас кризисный социум, реакция на реформы, выявлялась полная несостыковка в цифрах, которые мы получали. Она настолько яркая, что многие ученые говорили, что мы имеем дело с маразмом общественного сознания. Я слишком уважаю наш народ, чтобы принять тезис о его идиотизме. Я стала искать, в рамках какой теоретической парадигмы можно объяснить имеющиеся эмпирические данные за целый ряд лет в огромном массиве. Оказалось, что единственной парадигмой, которой эти данные не противоречат, является модернизационная парадигма, с учетом того, что у нас есть острые проблемы с социокультурной модернизацией, которые тормозят все. Сегодня нет времени на этом останавливаться. Но если для традиционных обществ характерно жить, как они привыкли, и не трогайте их, ради Бога, то о какой инновационной экономике можно говорить, какая технологическая дисциплина? Если есть отчуждение от власти, и власть – это отчуждаемая ценность в нашей культуре, она не принимается как ценность большинством населения, есть мы и есть они? Какой диалог с властью, если

от нее вообще нужно держаться подальше приличному человеку? И эта норма сохраняется в культуре. Есть масса норм, которые сохраняются и мешают тому, чтобы заработали институты, характерные для общества современного типа. Изучать, как этот механизм работает, где эти нормы тормозят, в каких группах они ярко сохраняют свое традиционалистское лицо – масса проблем. Если вернуться к вашему вопросу, то нужно излагать всю исследовательскую программу, включая методологию, методы расчетов. Там была многоэтапная фильтрация индексов с отдельными весами в рамках разного типа. Но об этом есть смысл рассказывать в узко специализированной аудитории.

Игорь Харичев:

Скажите, а есть ли все-таки какие-нибудь опробованные механизмы изменения этих стереотипов? Есть ли опыт других стран?

Виктор Красильщиков:

Большинство успешных модернизаций, которых в течение 20-го века было гораздо больше, чем неудачных, сопровождалось установлением авторитарного режима. На чем вообще держится режим, который проводит модернизацию? Он держится на негласном консенсусе: обмен политических свобод на возможность повысить материальное благосостояние и сделать карьеру. Авторитаризм предполагает повышение уровня жизни наиболее активной части населения, он предполагает открытие каналов вертикальной социальной мобильности. В Центре проблем развития и модернизации, где я работаю, у нас есть консолидируемая позиция: мы все авторитаризмы делим на две группы: плохие и хорошие. Примеры плохого – это Парагвай, Никарагуа, примеры хорошего – это Южная Корея, Сингапур. В конце 2000-го года мой молодой коллега опубликовал в «Независимой газете» статью, в которой предрекал, что под руководством В.В. Путина России грозит сингапурский вариант. Я через три месяца написал ответ, что при Путине

нам сингапурский вариант не грозит. Никакой авторитарной модернизации при Путине не получится, это было ясно еще давно. Получится, скорее всего, то, что получилось.

Евгений Ясин:

Теперь мы переходим к дискуссии. И первому я предоставляю слово Леониду Сергеевичу Васильеву.

Леонид Васильев:

Дорогие коллеги! Мы выслушали интересное сообщение на весьма актуальную тему. Проблема модернизации и тесно связанной с ней вестернизации большинства обществ, в силу различных причин отстававших в своем развитии от передовых, рассматривается и решается до сих пор очень по-разному. В нашей стране, в частности, много внимания уделяют самобытности исторического пути и потому склонны считать Россию как государство чем-то особенным. Нет слов, свои особенности есть у каждого из существующих в современном мире государств. Но когда речь заходит о таких кардинальных проблемах, как модернизация добуржуазных обществ и превращение их в современные, все такого рода особенности неизбежно отходят на задний план.

Эта неизбежность диктуется как масштабом и значимостью проблемы, так и принципиальным подходом к ее решению. Смысл такого подхода элементарен: может ли данное общество, да и вообще любое современное общество, преодолеть все сложности модернизации и стать, в основном, иным, таким, как передовые страны Запада. Речь именно об основном, то есть о восприятии тех новаций в индустриально-инфраструктурном и соответствующем ему институционально-идейном развитии, которые характерны для современных буржуазных обществ с их либерально-демократическими стандартами, обеспеченными строго соблюдаемыми законом правами и свободами. На мой взгляд, здесь важны, прежде всего,

желание самого общества и соответствующая социально-культурная политика власти, которая считает своим долгом всеми доступными ей средствами – их в наше время расцвета масс-медиа достаточно много – реализовать такое желание, даже если оно подспудно и не очень явно выражено самим обществом, традиционно привыкшим к каким-то иным принципам существования.

Но прежде чем перейти к оценке сути дела и, в частности, положения с социокультурными, да и иными предпосылками для всесторонней и полной модернизации нашей страны, явно отстающей в этом плане от многих других, важно обратить внимание на сам феномен модернизации. Что это такое, и к чему она, в конечном счете, сводится?

Здесь очень важно понять самую основную суть проблемы. То, что ныне именуется модернизацией и воспринимается всюду в качестве таковой, есть результат длительного процесса развития, причем отнюдь не технического, как может показаться. Все началось с того, что в древности наряду с привычной для ранних обществ структурой власти-собственности (давно уже сложившаяся власть первична, а не успевшая оформиться собственность, тем более частная, вторична и зависима от администрации) появляется принципиально новая, античная, в которой первичны именно частная собственность гражданина и свободное рыночное хозяйство. Рождение античного мира с его приоритетом общества над зависимой от этого небольшого общества (полиса) выборной, ответственной перед электоратом и регулярно сменяемой властью создало принципиально новую структуру.

Соревнование обеих структур красной нитью проходит через всю последующую историю. Вначале, после завоеваний Александра и формирования ближневосточной системы эллинизма, победа античности казалась неоспоримой и само собой разумеющейся. Варварские нашествия в 5-7-м веках (имеются в виду как Великое переселение народов, положившее конец существованию Западной Римской империи, так и энергичный натиск обращенных в ислам арабских бедуинов), вроде бы, привели к крушению

античности. Но традиции этой структуры не только сохранились в Западной Европе, но и сумели радикальным образом изменить образ существования возникших там варварских королевств. Христианизация варваров – а христианство в его развитом виде сложилось в Риме – и упомянутые традиции способствовали феодализации (**феномен феодализма**, отнюдь не формации, был вынужденным способом организации власти в рамках полупервобытной структуры власти-собственности, когда она не была еще укреплена развитой административной инфраструктурой с присущей ей централизованной редистрибуцией и потому невольно обрела облик феодализма, т.е. **децентрализованной редистрибуции**). А борьба восходящих к античности раннесредневековых западноевропейских городов с их частнособственническим хозяйством имеющих немалые права граждан, обычно избиравших городскую власть, с феодалами, окружавшими города и мечтавшими поживиться за их счет, составляла едва ли не главную суть политической жизни и постепенного развития королевств.

Результатом этой борьбы стала победа городов с их предбуржуазией, генетически восходящей к протобуржуазии античности. Опираясь на нормы античной древности, горожане постепенно укрепляли свои позиции и становились основой будущей буржуазии, приносившей правителям немалый доход в виде налогов и потому поддерживаемой многими из королей. Оставляя в стороне религиозную борьбу католиков и протестантов, но обращая особое внимание на феномен Ренессанса, восходивший к античности и резко укрепивший ее традиции в позднем западноевропейском средневековье, следует заметить, что оба этих важных процесса (Ренессанс и Реформация) способствовали развитию буржуазии, а последовавшие за ними Великие географические открытия открыли перед городской буржуазией Западной Европы необъятные просторы и великолепные условия для ускоренного развития и роста ее значения, как экономического, так и политического.

Буржуазные преобразования, проявлявшиеся во всех сферах жизни, резко ускорили темпы эволюции. Это с особой силой проявилось в передовых странах, Голландии и Англии, уже в 16-17-м веках. Идеи Просвещения, сыгравшие столь важную роль в ранней истории США, а также Французская революция и наполеоновские войны распространили на Западе развитую буржуазную структуру с ее экономическими преобразованиями и сопутствующими политическими инновациями, идущими от античности: право, демократия, свободы и т.д. Западная Европа, США и некоторые английские колонии, населенные европейским населением, в первой половине 19 века быстрыми темпами встали на путь того, что можно назвать модернизацией. Очень часто в связи с этим говорится о промышленном перевороте, но при этом важно пояснить, что это не просто невесть откуда взявшийся «промышленный», но именно буржуазный переворот, развивавшийся ускоренными темпами там, где буржуазия оказалась близко к власти и активно на нее влияла.

Именно этот промышленный переворот, который преобразовал Европу, США и некоторые английские колонии, следует считать основой той модернизации, о которой теперь идет речь. Вне Запада ничего похожего не было, ибо сохранявшаяся там структура власти-собственности, сознательно ограничивая возможности и, фактически, оскопляя развивавшийся торговый капитал, не давала ему свойственных западным буржуа прав, свобод и гарантий. Только с середины 19-го века в странах колониального и зависимого от Запада Востока, как и в освободившейся от господства Испании Латинской Америке, началась модернизация, то есть активное внедрение свойственных западнобуржуазным обществам технико-технологических новаций и тесно связанного с ними нового образа жизни населения. Но этот процесс модернизации шел не быстро и не легко. Сопротивление, опиравшееся на традицию, постоянно сопровождало приспособление к заимствованным с Запада новым реалиям (вот она,

вестернизация), что легче давалось, естественно, приходившим в жизнь новым поколениям.

В итоге, как хорошо известно, новое в сфере техники, технологии, строительства городов западного типа, в образовании, здравоохранении и т.п. вело к серьезным переменам во всем мире. Это, собственно, и было тем, что именуется модернизацией. Разумеется, степень и объем заимствований, как и темпы модернизации, были разными, причем зависело это от многих обстоятельств. Но к началу 20-го века процесс в целом дал уже практически повсюду зримые и очень серьезные результаты. Еще до Первой мировой войны большинство стран, вплоть до отдаленных окраин, уже хорошо знало, что такое двигатели, железные дороги, телеграф, паровая машина, сельскохозяйственные механизмы и многие другие вещи, вплоть до бирж, банков и иных сложных современных предприятий. Это, естественно, касалось и России. Но в чем проблемы нашей страны, и почему вплоть до сегодняшнего дня время от времени встает вопрос о ее модернизации и об отставании ее от передовых стандартов?

Начнем с того, что в России не было ни европейской буржуазии, ни античных прав и свобод, хотя мы и заимствовали православие от Византии. Мало того, Россия постоянно тратила много усилий на то, чтобы подчеркнуть свою православную самобытность и всячески бороться с влиянием со стороны передового буржуазного Запада. И, хотя со времен Петра I кое-что в этом смысле начало меняться, крепостное право очень успешно сохраняло архаичное сознание русского крестьянина. А всю свою немалую мощь российское государство тратило на то, чтобы усилиться и расширить свои пределы, не жалея при этом ни сил, ни средств, ни, тем более, жизней бесправных своих подданных. Понятно, что в таких условиях место для процесса модернизации было более чем ограниченным. И при Петре, и долгое время после него заимствовалось с Запада лишь то, что могло усилить военно-государственную мощь России, ставшей большой империей. При этом проблемы решались отнюдь не западным буржуазным

способом, не усилением самостоятельности и экономического потенциала городов. Крепостное крестьянство и дворянство оставались основными социальными слоями российского общества, тогда как буржуазия не имела возможности для полноценного развития. А роль буржуазии как третьего сословия, оппозиционного феодальной самодержавию, с середины 19-го века стала играть передовая российская интеллигенция.

Интеллигенция, при всех ее интеллектуальных возможностях, полноценно заменить буржуазию не могла. Поэтому модернизация отсталой России во второй половине 19-го века шла медленно. Она чуть ускорила после реформ Александра II. К тому времени Европа уже ушла далеко вперед. Россия же оставалась почти на уровне восточной, то есть не буржуазной, не античной структуры. Этот уровень лучше других зафиксировал в своих замечательных произведениях А. Платонов, великолепно описавший архаичное сознание отечественного населения в годы радикальных перемен и вызванных ими преобразований как в реальной жизни, так и, особенно, в ощущениях людей. Причины архаики – в крепостничестве, в том самом сервильном комплексе, который был нормой существования большинства россиян на протяжении долгих веков.

Рабство – это не просто и даже не прежде всего отсутствие свободы и патерналистские упования на волю и действия хозяина. Рабство – это, в первую очередь, устойчивое психологическое состояние. Когда пришла советская власть, она не изменила привычную для России структуру власти-собственности, основанную на этом принципе. В эту давно изжившую себя структуру она вписала продиктованную марксизмом ликвидацию частной собственности, которая резко усугубила тот стандарт русского восприятия, архаичного крестьянского сознания, который и без того был свойствен стране и ее населению. В итоге в России за несколько считанных лет было не развито, а практически уничтожено крестьянство, которое могло бы стать основой зажиточного сельского хозяйства. Разумеется, это способствовало индустриализации и созданию мощного военно-технического комплекса. Но

какой ценой! Общество было искусственно атомизировано, люди жили в ужасающих условиях, хотя многие из них верили в «светлое будущее».

В итоге модернизация в годы коммунистического господства не миновала и Россию. Но получилось то, что получилось. И ничего другого получиться не могло. Модернизация в некотором смысле безжалостно сожрала значительную – крестьянскую – часть населения. А методы, свойственные ей (достаточно вспомнить о голодоморе, унесшем в начале 30-х годов несколько миллионов жизней людей, сознательно оставленных без пищи и обреченных на смерть) были откровенно людоедскими, бандитскими. Эта модернизация была ориентирована на то, чтобы ценой миллионов жизней создать в империи современную военную промышленность. Для большевиков с их давно уже продекларированным и реально доказанным отношением к цене человеческой жизни главным было создать мощную военную машину, дабы с ее помощью расширить пределы коммунистической империи.

Завершая, важно еще и еще раз зафиксировать главное: Россия всегда была – а при большевиках с удесятеренной силой стала – страной, для которой главным было расширение пределов. Самым ничтожным – то число человеческих жизней, которое для этого было нужно, и которое власть никогда не считала. Как ни прискорбно это сознавать, но наша страна всегда была ориентирована на войну, а не на преобразование человеческого общества и сознания людей. Соответствен и достигнутый результат. И пока несчастные люди, которые на протяжении десятков лет верили в коммунистическое «светлое будущее», старались ради него, во многих странах мира, прежде гораздо более отсталых, нежели Россия, шла реальная модернизация и сопутствующая ей вестернизация. создание либерально-демократической структуры антично-буржуазного типа, в рамках которой высшей ценностью является не государственная машина, а простой человек. Вот к этой разнице и сводится вся великая трагедия России.

Евгений Ясин:

«Традиции и модерн» – это тема вашего будущего доклада. Спасибо. Пожалуйста, Виталий Леонидович.

Виталий Тамбовцев:

Во-первых, спасибо докладчикам за очень интересный доклад. Я не буду пытаться дать широкую историческую картину, потому что я не историк. После содержательного обсуждения российской модернизации я бы хотел затронуть весьма узкий вопрос о методике и методологии исследований. Николай Иванович Лапин, фактически, уже затронул эту тему: термины «государство» и «власть» в интерпретации исследователей, с одной стороны, и респондентов – с другой. То, что эти интерпретации принципиально различны, у меня сомнений не вызывает. А в связи с этим вызывают большие сомнения количественные оценки, которые приведены в докладе.

Маленький пример из собственного опыта. Вероятно, часть присутствующих знает постоянно повторяющиеся ответы на вопрос о том, что делать с приватизированной собственностью. Вот уже который год у нас больше трети населения говорит, что ее надо вернуть государству. Мы недавно проводили исследование на тему легитимности крупной собственности и попросили социологов, которые делали для нас опросы, чуть-чуть изменить формулировку вопроса, спросить у граждан, «надо ли крупную приватизированную собственность возвращать под управление чиновников, или не надо?». Легко догадаться, какой ответ мы получили.

Поэтому когда люди говорят, что государство что-то должно, – это, как говорится, «ложный друг переводчика»: надо корректно ставить вопрос. Хочу привести в пример утверждение, которое прозвучало в докладе, что если для большинства населения государство – это власть, то получается следующий ответ: власть (то есть государство) имеет право нарушать закон в интересах государства. Получается, что народ согласен с тем, что в интересах самого себя государство имеет право что-то нарушать. Но народ у нас умный, поэтому вряд ли он был бы согласен с той, – по смыслу

тождественной, а по форме другой, – формулировкой, которую я привел. Поэтому как состыкуется эта позиция, с которой я согласен, с такой интерпретацией приведенных данных, я затрудняюсь ответить. Четкая методика исследования – это 96% успеха. К сожалению, я не могу сказать этого по поводу количественной методики данного исследования.

Евгений Ясин:

Дело в том, что народ-то любит государство. Поэтому, если ты скажешь ему «чиновник», он даст более приятный ответ.

Наталья Тихонова:

Я бы хотела вот что сказать. Когда я говорила «власть», я имела в виду государственные органы, которые облечены властью. Кстати, поэтому наша законодательная власть так скептически воспринимается населением. Это частное замечание. Более общее вот какое. Есть понятие «государство». Каждый из нас может подразумевать под ним что угодно. Я уверена, что наши респонденты вкладывают в него тоже разный смысл. Но когда мы их спрашиваем про государство, их ответы я вам ретранслирую как отношение к государству. Я здесь ничего не интерпретирую. Если мы говорим о том, что у нас государство не тождественно обществу или стране, то думаю, что подавляющее большинство респондентов это понимают. И существует такая модель, о которой я не говорила, но, наверное, нужно сказать. Как строилась в тех самых условиях архаики модель взаимоотношений государство-общество-человек? Человек был ничто. Их было много, это вообще не ценность. Важно то, что страна – держава, государство во главе с императором. Важна держава. Общество априори воспринималось по своим интересам с державой. Уже в 19-м веке появились первые ростки того, что общество может иметь свои интересы. Это исходная точка, от которой мы пошли.

Насколько эта модель существует сегодня? Я думаю, вы понимаете, что в такой форме она не существует сегодня. Но точно так же она не существует в той форме, что государство – это ночной сторож, судья, арбитр, который обеспечивает консенсус интересов разных сил в обществе и т.д. Мы к этой точке тоже не пришли. Я думаю, что это понятно даже без эмпирических данных. В какой точке мы сейчас находимся? Мы, может, и не придем ко второй точке, а пойдем своим путем. Как показывают данные, мы находимся в той точке, где государство еще воспринимается как выразитель интересов общества по должному. Должно быть так. Начинает выражать интересы определенных структур. Президент и правительство – главные его элементы. Государство пользуется все большим доверием населения. Но это не безусловное доверие, как к некоей заведомо от Бога данной ценности, как это было 200 лет назад. Это уже консенсусная модель. Это очень хорошо видно на Лужкове. Наша московская модель – это та модель, которая была бы идеальна с точки зрения населения страны. Можно сколько угодно говорить, что в Москве бюрократический капитализм, но «сам ворует и другим жить дает», о населении заботится, пенсионерам надбавки и т.д. Вот функции государственной власти: канализация, электричество, все, вроде бы, идет. Когда население в качестве респондентов отвечает на наши вопросы, оно не очень умничает, оно за нас не додумывает, оно нам интересно. Вопросы должны строиться таким образом, чтобы быть интуитивно понятными. Если мы будем их спрашивать не про государство, а про чиновников, то нам ответят про отношение к чиновникам, при чем здесь государство? Это не имеет никакого отношения к тому, что им ценно сегодня. Чиновник – это особая группа, отношение к ним плохое. Но это не проблема отношения к институту государства.

Александр Механик:

Несколько замечаний. Во-первых, о противоречивости ответов и восприятии гражданами всех тех процессов, которые видны в ответах и о которых здесь

говорилось. Это объективные противоречия, связанные с противоречивостью процессов, которые происходят в стране. Разные факты население воспринимает по-разному. И воспринимать это как глупость или непонимание неправильно.

Второе насчет обсуждавшихся примеров модернизации. Мы ссылаемся на такие страны, как Корея, а сейчас Китай, как на примеры для нас. Но этот модернизационный рывок, которые они прошли в 1950-е гг., а Китай происходит сейчас, мы прошли при советской власти. И ту задачу, которую сейчас решают эти страны, мы прошли при советской власти. Мне кажется, что для нас пример – это те страны, которые проходили модернизацию, в которых можно найти какой-то образ подобия. Примеры таких стран – Норвегия и Швеция в одном, или Индия в другом. Что касается Индии, то несколько лет назад была издана очень интересная книга, работа российских и индийских авторов «Индийская модернизация в антибуржуазности индийского общества». И не случайно последующие руководители Индии проводили эту модернизацию под социалистическими лозунгами. Это был ответ на буржуазное сознание, которым было в значительной мере охвачено индийское общество. В этом смысле, это какой-то пример для нас. Когда читаешь анализ процессов в Индии и сравниваешь с какими-то явлениями сейчас у нас, то очень многое напоминает. Если же говорить о ситуации возрождения традиционализма, о которой говорилось в докладе, то это объективный процесс, связанный с примитивизацией, которая произошла после реформ 1990-х гг. Почему это произошло, вопрос сложный, но это факт. Ведь современные отрасли промышленности, все те отрасли, на которых во всем мире основывается процесс современной модернизации, практически исчезли.

Евгений Ясин:

А чем это можно доказать? Я понимаю, что есть какая-то взаимосвязь, была примитивизация в экономике, закрылись оборонные предприятия. А

большинство вузов не закрылись, профессора там как работали, так и работают. И их еще очень много. Объясните, каким образом это повлияло на то, что произошло при правлении Путина?

Александр Механик:

Вузы не закрылись, но контингент студентов воспроизводит и в значительной степени отражает изменения в сознании своих родителей, которые недавно были цветом нации и представителями основных отраслей промышленности, не обязательно оборонки. Я основываюсь на личном наблюдении за людьми, которые были опорой, или, точнее, началом реформ 1990-х гг. и которые растворились и стали их радикальными противниками. Это очень серьезный момент.

Павел Кудюкин:

Сначала два замечания, а потом один, но очень важный вопрос, который возникает в связи с обсуждаемой темой. По поводу вызвавшего спор вопроса о понимании государства респондентами. Я считаю, что как раз тот вопрос, который был приведен для примера, показывает, что «нестрогость» в инструментарии массовых опросов вполне допустима, потому что, на самом деле, не имеет значения, что респондент понимает под государством: государственную машину, страну в целом или что-то еще. Главный показатель архаики – что человек считает, что хоть что-то может позволить себе давить на правосудие, нарушать законы и т.д. Здесь понимание государства не играет большой роли. Социологически вопрос абсолютно корректен и возможен.

Второе небольшое замечание. Вы, Наталья Евгеньевна, сказали, что в современном мире действительно разрывается долгое время казавшаяся вполне естественной почти синонимичность модернизации и вестернизации. Вместе с тем, в качестве одного из показателей модернизованности сознания тех или иных групп, вы принимаете восприятие запада как некое

желаемое для нас состояние. С этим можно поспорить, поскольку весь мир не может стать, как Запад, в силу миросистемного подхода. Я считаю, что если мы живем в рамках капиталистической миросистемы, то, наверное, кто-то будет периферией. Какие-то страны могут вырваться из периферии, и всегда хочется, чтобы своя страна это проделала. С этой точки зрения, мне кажется, что прозападность уже не столь жесткий критерий модернизованности сознания.

И теперь большой вопрос, который, наверное, наиболее ярко прозвучал в выступлении Виктора Александровича. Это состояние социокультурной недомодернизованности, или пребывание на ее начальных стадиях, и социокультурный раскол страны и судьба демократии. Когда у нас модернизированная группа составляет меньшинство населения, в условиях нормального функционирования демократических институтов, какие решения будут приняты демократическим путем? И не станет ли здесь демократия самоуничтожающейся моделью? При нашем отношении к праву, формальным институтам и прочее. Второй аспект этой проблемы – что Россия на этой стадии не в первый раз модернизируется. Вообще, историю России с 18-го века можно рассматривать как историю нескольких приступов к модернизации, в основном консервативной, уж так получилось. Стоит вопрос, возможна ли у нас авторитарная модернизация? Тоже большой вопрос. А из этого следствие. Политическое структурирование российского общества идет не столько по традиционным линиям, сколько по линии модернисты – не модернисты. Это заставляет меня как практикующего политика задуматься о структуре политических союзов в современной России.

Анастасия Гондарева:

Если речь идет о том, что у нас в обществе доминируют прагматические установки, демократия ассоциируется с потребительскими корзинами. Вместе с тем, вы говорите, что насаждаемые сверху ценности не

приживаются. Кроме того, мы говорим, что у людей есть духовные потребности, которых не может не быть. Если есть духовный вакуум, и он ничем не заполняется, там начинает скапливаться мусор. Мы имеем дело с религиозным фундаментализмом, с архаизацией в этнической сфере. Все это традиционные установки, которые не совместимы с модернизацией. Встает вопрос: какие ценности и каким образом должно прививать обществу, чтобы трансформировать это аксиологическое бытие, сформировать некое приемлемое для большей части населения ценностное поле. Вот вы говорили о том, что большинство людей понимают, что хорошо, а что плохо. Но это считается индивидуальным, и люди думают, что другим это не свойственно. Кроме того, недавно Михаил Афанасьев продемонстрировал, что многим свойственны либеральные установки и ценности. Как это перевести из латентного состояния? Кто должен с этим работать? Спасибо.

Евгений Ясин:

Дорогие друзья, мы уже прошли ту границу времени, когда мы обычно заканчиваем семинар. Давайте еще несколько человек.

Сергей Магарил:

Мы обсуждаем фундаментальную проблему. Известно, что массовые культурные предпочтения, в конечном счете, определяют предпочтения политические, со всеми малоприятными последствиями, которые мы наблюдаем в последние годы. Доклад порождает целый ряд вопросов в прикладном аспекте. Почему распадающееся традиционное сознание не замещается сознанием рациональным? Каковы причины и вероятные последствия?

Далее. Волнообразный характер динамики указывает на фактор времени и сопряженные с этим риски. Советский Союз развалился на наших глазах, не успев модернизироваться. Что не позволяет реформаторам принять во внимание социокультурные аспекты проблемы? Более того, они хотя бы

знают об этих проблемах? В процессе обучения им об этом рассказывали? И, наконец, что необходимо всему этому противопоставить? Что может предпринять научное сообщество?

Вопрос совершенно не праздный. Объективный анализ свидетельствует: макросоциальные стратегии основных групп современного российского общества направлены на его дезорганизацию и дезинтеграцию. Опасения о том, сколько времени отпущено постсоветской государственности, звучали сегодня неоднократно. Начатая в правление Петра I погоня за Западом не завершена и поныне. Следует признать, что **фундаментальная причина трехсотлетней догоняющей модернизации – столь же устойчивое отстающее развитие**. В России сложился двухтактный исторический цикл: рывок-застой, рывок-застой. Каковы причины его устойчивого воспроизводства? Как это преодолевать? За триста лет в политическом сегменте жизни общества перепробованы едва ли не все значимые факторы их комбинации: неоднократно менялся государственный строй как способ организации жизни социума; инверсионно менялись формы собственности; истреблялась «старая» элита; многократно менялись правители, а потому и цели государственной власти и способы их реализации. Однако результат все тот же. Ни имперским, ни советским, ни постсоветским реформаторам так и не удалось запустить **самоподдерживающийся процесс** социально-экономической и технико-технологической динамики, обладающий внутренней мотивацией и необходимой исторической устойчивостью. Чего делать с этим? Если до 60-х годов XX века отмеченный двухтактный цикл развития обеспечивал России место в ряду мировых экономических лидеров, мы догоняли Америку, то полвека спустя нашим социально-историческим ориентиром стала Португалия, наиболее отсталый член Евросоюза.

Небольшой фрагмент отечественной истории выразительно иллюстрирует происходящее.

Указ Петра I от 1719г. «О предоставлении «Всем и каждому» прав разыскивать руды и минералы и строить рудники и металлургические

заводы». Вопреки сословным ограничениям, наделение всех и каждого столь обширными правами имело, по тому времени, исключительное значение. Отсталость в развитии металлургии была прямой угрозой национальной безопасности. Русской армии и флоту нужны были пушки, шла война со Швецией. В западноевропейской дипломатии того времени существовало мнение, что России уготована участь стать колонией этой сильнейшей в военном отношении державы.

Указ был обращен ко всему «народу нашего Российского государства», без каких бы то ни было социальных различий. Не заблуждаясь относительно деловых качеств туземной бюрократии, Петр повелел, «чтобы никоим образом губернаторы, воеводы и протчие поставленные начальники в рудокопные дела (не) вступали и (не) мешались... Против же тех, которые... в сыскание устройства и расширения тех заводов запрещать и мешать будут, объявляется наш жестокий гнев, неотложное телесное наказание, и смертная казнь, и лишение всех имении, яко непокорливому и презирателю нашей воли и врагу общенародной пользы...».

Реформатор указал и на главнейшие причины, по которым поиск металлов и минералов «до нынешнего времени... пренебрежен»: «...частью, что наши подданные рудокопным делам, и как оную в пользу Государственную и всенародную произвести не разумели; частью же ... трудов к оному приложить отважиться не хотели, **опасаясь, дабы некогда те рудокопные заводы, где с них добрая прибыль будет, от них заводчиков отняты бы не были**». Это не что иное, как **бесправие подданных**. Стремясь ободрить народную инициативу, Петр повелел: «промышленники рудокопных дел, по данным им привилегиям или жалованным грамотам, сим обнадежены быть, что у них и у наследников их оные заводы отняты не будут». Не заблуждаясь относительно качества туземной бюрократии, Петр предостерег, чтобы губернаторы, воеводы и прочие поставленные начальники в рудокопные дела не мешались и не препятствовали созданию заводов, предусмотрев изрядный перечень свирепых наказаний.

Прошло триста лет. Что изменилось? Церковь, препятствовавшую освоению рационального знания, от дел государственных отодвинули; систему высшего инженерного образования создали; миллионы квалифицированных инженеров подготовили; освоили космос и атомную энергетику.

Но, что показательно, сохранился произвол бюрократии; поборы, отъем собственности (рейдерство и т.п.). **Осталось вековечное бесправие подданных.**

Спустя триста лет перед нами все та же коррумпированная невежественная бюрократия. Отсюда вопрос: отечественная высшая школа справляется с подготовкой элиты, в том числе для высшего эшелона национально-государственного управления? Нам, явно, есть над чем подумать. Социокультурный архетип, сохраняя антропологическую устойчивость, имеет свойство исторической изменчивости, иначе потомки варваров никогда бы не стали законопослушными гражданами правовых государств современной Европы. И едва ли не решающий вклад в этот процесс внесли европейские университеты. Первый университет в России был учрежден на 700 лет позже, чем в Европе. Если в период 1930-1960 гг. нам удалось наверстать отставание в области естественнонаучного и технико-технологического образования, то в области социогуманитарного знания догмы примитивно понятого «единственно верного учения» сделать этого не позволили. Отсюда – задача резкого повышения качества массовой социогуманитарной подготовки выпускников высшей школы. Наша задача, уважаемые коллеги!

Благодарю за внимание.

Андрей Нецадин:

Большое спасибо за исследование. Действительно, корректность многих социальных исследований в последнее время вызывает огромнейшие опасения. Когда ответ уже заранее сформулирован в вопросе, а потом доказывают, что это мнение прямого волеизъявления.

Второе. Давайте остановимся на том, что если вопросы в исследовании повторялись два раза во временном разрыве, а совокупность и выборка примерно соответствовали, то мы имеем дело с системной ошибкой. Тогда вопрос стоит не о правильности понимания респондентов, а о темпах сдвига. А вот о них я сегодня ничего не услышал, хотя этот вопрос ставится любопытным. Модернизация – это перекачивание кубиков с головы на грань. Возникает вопрос, с чем мы имеем дело? А мы имеем дело, действительно, со стабилизацией, когда системой державности, вставанием России с колен и прочим можно пренебречь, и сказать: «Модернизация». За державу обидно, но, ребята, вперед! Или, все-таки, мы имеем дело с застоем, когда не меняется структура промышленности, когда мы теряем все демократические завоевания, когда замещение пенсии не увеличивается, а замещается? У вас поднимется рука в нормальном московском вузе профессора и заведующего кафедрой в возрасте 75-ти лет уволить, чтобы он пошел на 3,5 тысячи пенсии? Поэтому вопрос лично для меня стоит так: это стабилизация, или это застой? Если это застой, то нам осталось 2-3 года, а потом будет нормальное восстановление справедливости, как в 1998-м году. А так вернемся опять к точке истины.

Алексей Зудин:

Оценка доклада очень высокая, поэтому автору, прежде всего, спасибо. Поэтому и комментариев у меня будет немного. Во-первых, мне показалось, что вы не полностью ответили на вопрос по поводу роли государства. Реально существуют ситуации, когда государство для членов общества выступает единственным доступным их пониманию синонимом социального порядка, предельной формой организации совместной жизни. Просто нет других названий, только слово «страна», но и оно касается, прежде всего, территориальной, а не социальной организации, да и появилось недавно. Здесь я согласен с господином Тамбовцевым, если я его правильно понял.

Во-вторых, к сожалению, один из важнейших выводов вашего исследования оказался не зафиксирован в таблицах и тезисах, а прозвучал только в устной форме. Вы сказали исключительно важную вещь: отношения между гражданами и государством перешли в договорную плоскость. Это означает, что начался фундаментальный поворот в сторону модернизации. Такой вывод достоин того, чтобы быть зафиксированным текстуально.

В-третьих, мне кажется, что доклад украсила бы большая симметрия. У вас есть таблица модернизационных ценностей. Рядом вы очень уместно поместили сравнительный анализ России, Германии, США по такому показателю как склонность к эгалитарным ценностям. Хотелось бы продолжить подход, который намечен во второй таблице. А именно, сравнивать российские данные не только с идеально-типическими модернизационными образцами, но и с реально достигнутыми и работающими в других странах. Хотелось бы узнать место России и относительно такой модернизации. Думаю, что у нас будут очень интересные данные по конформизму, возможно, и по некоторым другим показателям, которые, как мы считаем, должны быть присущи модернизированным в социокультурном отношении странам, или, наоборот, отсутствовать там.

Мой последний комментарий касается оценки роли религии. В ходе разворачивающегося на наших глазах модернизационного процесса происходит нечто неприятное и, на первый взгляд, непонятное: модернизация сопровождается примитивизацией и архаизацией, процессами социальной дезорганизации и распада. Свидетельств более чем достаточно, и, как мне кажется, неразумно с этим спорить. Здесь сидит Лев Гудков, который, как мне кажется, об этом расскажет намного лучше меня. Так вот, отвлекаясь от российских реалий и российского контекста, имеет смысл посмотреть на Запад, что там происходит с религией, и задать себе вопрос, не являемся ли мы свидетелями достижения процессом секуляризации своих естественных пределов? Если так, то роль религии следует оценивать по-другому. Спасибо.

Евгений Ясин:

Все, заканчиваем, спасибо. Последнее слово, Наталья Евгеньевна.

Наталья Тихонова:

Много было высказано интересных мыслей, я вам за них благодарна. Я позволю себе несколько слов по поводу того, что же все-таки вызывает сомнение, либо с чем я не согласна. Кто должен формировать новые ценности? Знаете, пару лет назад меня приглашали в аппарат к Жукову и просили написать список индикаторов эффективности деятельности правительства по социокультурной модернизации. Это само по себе свидетельствует о доброй воле, но, при этом, о непонимании проблемы. Ее не формируют. Максимум, что мы может делать, это говорить о ее тиражировании. Почему мы выбрали субъективный подход? Потому что он ключевой. Но внедрить ее нельзя. Можно просто не рубить сук, на котором сидишь. Например, систему высшего образования. Или не говорить, как замечательно завтра всем вернуться в села. Если мы не будем уничтожать объективные предпосылки, то потихоньку все пойдет своим ходом.

Второе, что важно, это проблема судеб демократии. Я согласна с тем, что ни о какой демократии при незавершенности социокультурной модернизации речи быть не может. Успешные социокультурные модернизации были при авторитарных режимах.

Что касается Запада. Когда мы говорим с нашими респондентами, то это же не сам Запад, а его образ, который имеет свои характерные особенности, которые либо привлекательны, либо нет.

То же касается и пресловутого государства. Понимаете, сегодня использовался один вопрос. А всего к государству относится несколько десятков вопросов. Было бы хорошо, чтобы кто-нибудь на соцданных проанализировал понимание россиянами государства. Но с той точки зрения, которая интересовала нас, а именно, легитимности государства и его

функций для общественного сознания, было вполне достаточно, хотя можно и дальше копать.

Что касается консенсусной модели, о которой я сказала, то я тоже считаю, что это большой сдвиг. Но я об этом пишу с 2001-го года, поэтому мне не очень хотелось к этому возвращаться.

Теперь о религии. Почему мне грустно? Потому что у меня такое чувство, что в погоне за нашей национальной спецификой, которую я люблю и уважаю, есть какие-то завоевания (церковь отделена от государства, от процесса обучения и т.д.), которые не хотелось бы терять. Когда я вижу, что политика, вольно, или нет, ведет к тому, что эти завоевания утрачиваются, от этого становится грустно. В условиях, когда сокращается сегмент высококвалифицированного труда в экономике и растет средняя квалификация, а у нас это представлено, видно, то мы имеем дело с ситуациями демпинга. У нас относительное обнищание среднего класса, которое не способствует развитию в нем модернизационных практик. Там много очень сложных процессов, которые ставят вопрос о самом субъектном подходе к модернизации. Эта тема еще заслуживает глубоких исследований.

Евгений Ясин:

Спасибо вам, Наталья Евгеньевна. Было очень интересно, и были очень интересные выступления оппонентов. Это свидетельствует о том, что у нас приличная элита.